

Олег Губарь

Энциклопедия забытых одесситов

Жиган

Из всех популярных в давние времена рельефных одесских криминальных типов молва воспроизводит лишь Соньку Золотую Ручку и Мишку Япончика. Память о них увековечена литераторами, в том числе и весьма почтенными, причем довольно-таки неблагоприятные обстоятельства биографии декорированы в духе романтических приключенческих персоналий типа Робин Гуда и капитана Блада. Не собираюсь множить эту крапленую колоду, и в сообщении о знаменитом в свое время разбойнике Чумаке попытаюсь следовать только фактам. Хотя, должен заметить, манера хрониста всегда держит на коротком поводке. Впрочем, у меня есть право на предположения и допущения, что, конечно, стану оговаривать.

Период, когда Чумака развернул широкую экспроприаторскую деятельность в окрестностях Одессы, относится ко второй четверти позапрошлого столетия. В эти годы город был крупнейшим экспортером сельскохозяйственной продукции, доставлявшейся сухим путем, в первую очередь, из Подольской губернии. Дорога неблизкая, доставка носила сезонный характер, поскольку в межсезонье воловьих упряжек физически не могли следовать по бездорожью. Почтовые тракты для гужевого транспорта не предназначались. Кроме того, зимою навигация замирала, гавань, случалось, замерзала, экспорт зерна, шерсти, сала, шелка и прочих продуктов прекращался.

Основные поставщики товарного зерна – польские шляхтичи, помещики, или, как их величали, магнаты – редко становились жертвами разбойничьих шаек. Большие хлебные караваны продвигались под надежной охраной, а сами шляхтичи, да и ближай-

шее окружение составляли сплошь отставные боевые офицеры, умевшие дать достойный отпор. Вырученные от продажи крупные суммы они вкладывали в Одессе в домостроительство, нередко тратили на покупку предметов роскоши, а то и проматывали в карточной игре и кутежах. Но если этого не случалось, то и тогда сколько-нибудь значительные суммы не носили в кармане, они находились в ведении кредитно-банковских учреждений, пусть даже таких примитивных, как местные меняльные конторы. По этой причине нападению, как правило, подвергались одиночно следовавшие повозки или экипажи сельских хозяев, посещавших город для мелких покупок и продаж, устройства частных дел и проч. Подручные Чумака не брезговали и отдельно стоящими строениями – корчмами, трактирами, хуторами, домиками на отшибе, изредка упражнялись и в Одессе.

Шайка наводила ужас на окрестных жителей и вояжеров. Степные помещики запасались оружием, с которым не расставались в дороге. Случалось, предупредительные выстрелы действительно сдерживали нападавших. Но бывало и так, что хватавшегося за револьвер храбреца, отставного офицера-помещика, жестоко избивали, а то и убивали. Изловить нескольких налетчиков даже на территории градоначальства, включавшего Дальницкие, Усатовы, Нерубайские, Фомины хутора, Татарку, Кривую, Холодную балку и т. д., силами немногочисленных полицейских чинов было крайне затруднительно. Тем более что в пределы градоначальства Чумаки внедрялись с большой неохотой, да и то нечасто. Любой конный разъезд отлично наблюдался на открытой местности, всегда была возможность юркнуть в какую-нибудь лоцину, балочку, укрыться в каменоломнях по рекам Большой, Малый, Средний Куяльник др. Можно было, конечно, попытаться, что называется, ловить на живца, но для этого требовалось время, люди, экипировка, а результат отнюдь не гарантировался.

В конце концов, терпение властей исчерпалось, и на исходе 1840-х задачу ликвидации банды Чумака поручили смышленому и решительному чиновнику полиции – приставу 3-й части города губернскому секретарю Антону Михайловичу Харжевскому, в дальнейшем значительно выросшему в чине. О личности главаря, его связях, как и о внешнем облике, ничего, кроме неправдо-

подобных рассказней, не слышали, а потому пришлось начинать с нуля. Как и во все времена, полиция чаще всего решала проблему поимки того или иного преступника фискальными методами, беря под жесткий контроль кабатчиков, сидельцев, половых, мерщиков, содержательниц и обитательниц домов терпимости, менял, невольно становившихся информаторами.

В ночь на 22 января 1850 года Харжевскому «через своих лазутчиков» стало известно, что Чумак с другими грабителями пьянствует в кабаке питейного откупа за Тираспольской сухопутной таможенной заставой, то есть за чертой порто-франко, на территории современной Молдаванки. С десятью полицейскими служителями пристав скрытно окружил дом и предложил бандитам добровольно сдаться. Оставив вдумчивое потребление славной водочки местного завода Абазы, те сперва заперлись изнутри, а затем, вооружившись ломом, неожиданно пошли напролом. Обладавшему невероятной физической силой (несмотря на то, что ему было далеко за 60) Чумаку уже почти удалось прорваться сквозь кольцо окружающих. Бросив лом, он выхватил нож и всадил в набегавшего унтер-офицера Никиту Приходько. Тот, к счастью, не пострадал: его спас толстый полшубок. В этот момент на Чумака набросился сам Харжевский, и после недолгой борьбы как уступавший в силе, но более умелый, ухитрился скрутить преступника. При этом легко одетый и поворотливый пристав едва сумел спастись от удара бандитского ножа. Вместе с верховодом захватили осужденных рецидивистов, беглых грабителей и убийц Ивана Карвота и Филиппа Харченко.

Что до Чумака, он назвался Василием Безугловым, упорно отрицал причастность к каким бы то ни было преступлениям. Каждый эпизод следствию приходилось долго отрабатывать, припирая бандита неопровержимыми уликами. Несколько лет кряду Чумак провел в старом одесском тюремном замке, четыре угловых башни которого когда-то возвышались над нынешней привокзальной площадью, в ту пору именовавшейся Тюремной. За это время буквально по крупичам составили его «творческую биографию». Украинец по национальности, человек во многих отношениях одаренный и при других обстоятельствах сумевший бы позитивно реализовать, Алексей Трофименко – так его на

самом деле звали – вкусил прелести солдатчины, трижды бежал со службы, затем из арестантской роты, наконец, от конвойных. Возможно, в это время он и не помышлял о карьере преступника, но обстоятельства сложились не в пользу благочиния. Укрыться и прокормиться он не мог иначе, как только вписавшись в криминальную среду. Это, конечно, допущение, однако вполне обоснованное. Действительно, если бы беглый солдат Азовского пехотного полка совершал уголовные преступления на этом этапе, то был бы осужден, но его лишь возвращали в службу.

Так или иначе, а среди предъявленных обвинений – побеги из Сибири, сокрытие звания и переименование, сокрытие поделщиков, ложные обвинения непричастных к преступлениям лиц, нападение с шайкой на дом жены унтер-офицера Васильева, «удавление ее ремнем и истязание ее беременной дочери, ограбление вещей и денег», «нападение с шайкой на проезжавшего майора Сахновского, побои, ограбление вещей, денег и лошадей», воровство со взломом из лавки купца Луцканова и т. д. и т. п. Перечисляя имена и клички самозванца, невольно вспоминаешь Высоцкого в роли Жеглова: «Она же N, она же NN, она же NNN». Алексей (он же Василий) Трофименко – он же Василий Чумак, он же Каленик (Василий) Безуглов, он же Мусиенко, он же и т. д.

По решению очередного суда рецидивиста лишили всех прав и отправили в каторжные работы в рудниках на 20 лет, кроме того наказали шпицрутенами. 24 сентября 1859 года Чумака трижды прогнали через строй солдат Пражского пехотного полка в 100 человек. Так в очень солидном возрасте он получил 300 травматических ударов! Могучее здоровье не подвело, и 12 января 1860 года он, вполне оправившись, был этапирован из Одесского тюремного замка в каторгу. Но в начале июня 1863 года после нескольких случаев серьезных «шалостей» по Балтскому тракту пошли разговоры о возвращении легендарного уже Чумака.

Времена были другие, возможности полиции возросли, хотя разбойника вычислили тем же прежним проверенным способом – силами осведомителей. Суть дела в том, что злопамятный атаман так и не смог простить доносчика, выдавшего его много лет назад, и искал случая, как он сам впоследствии выразился, «отблагодарить». С этой целью мститель явился в предместье Пересыпь, но не успел

осуществить свое намерение, был выдан, его умело преследовал квартальный надзиратель Липский, «лишив всех средств к сопротивлению», и 16 июля арестовал. Чумака, по обыкновению, стал отпираться, мол, я не я и т. п., но его лично опознал героический пристав Харжевский, да и шрамы, оставленные шпицрутенами, говорили о себе сами, пришлось назваться настоящим именем.

Знакомишься с подробностями перемещений этого фигуранта, и начинаешь осознавать подлинный смысл старинного прозвища *жиган* применительно к беглым каторжникам. В 1860-м Чумака доставили на небезызвестную Кару, тобольские заводы, по медицинскому освидетельствованию признали непригодным к работе и отправили в округ Усть-Кара. Здесь ссыльные сами зарабатывали себе на пропитание и были подвержены куда менее строгому надзору. На третий же день старый злодей бежал по пустынной тундре и сибирской тайге, в одиночку, голодный и холодный, старый. Добравшись в Центральную Россию, он повернул на юг, передвигаясь ночами, от убежища к убежищу, от берлоги к берлоге, достиг Елисаветграда. Здесь при содействии некоего Филиппа Капланского приобрел у содержателя постоялого двора Менделя Николаевского фальшивые документы на имя отставного рядового Оренбургского линейного № 5 батальона Алексея Филиппова.

Пристроившись в Одессе, Чумака стал промышлять «по профилю», однако, по его словам, не успел еще набрать команду надежных подручных. Отпираться он умел, «пришить» что-либо ему, невероятно прожженному и редкостно выносливому, было крайне трудно. По этой причине в воздухе повисла вереница разных дел: нападение на дом дьячка Кальнева с вымогательством, нападение на двух проезжих крестьян с ограблением, кража лошадей и повозки с вещами на постоялом дворе и проч.

Внешние данные: высокого роста, крепкого сложения, глаза небольшие, «рысьи, неимоверно хитрые», голова в клочках волос, оставшихся, в основном, на висках, характер скрытно-свирепый. Местные газеты растиражировали клятвенное уверение полиции в том, что одесское общество в последний раз слышит о появлении этого злостного правонарушителя в нашем городе. Отчаянный негодяй получил 50 ударов плетью, и его снова водворили на четыре года в отдаленные районы Сибири, но куда там... Чего стоят все «подви-

ги» Золотой Ручки и Япончика вместе взятые по сравнению с одной только летописью побегов престарелого жигана Чумака из Сибири?!

Очередные его поимки в Одессе относятся к 1866-му и августу 1869 года, когда ему было уже далеко за 80. В последний раз его захватили в весьма посещаемой ресторации «Новый свет», на Греческой улице. Дело находилось на контроле самого новороссийского генерал-губернатора графа П.Е. Коцебу. В тот раз Чумак бежал с дороги, по пути следования этапа от Иркутска в местечко Киренку. К этим дням аутентичный Трофименко совершил в общей сложности три побега с каторги и два – с дороги на каторгу. Чумак был первым преступником, которого сфотографировали в Одессе специально для случаев опознания. Как и прежде, о нем много писали в газетах. О том, например, что при своем почтенном возрасте он «все еще обладает геркулесовою силою и геркулесовым сложением. С последним побегом из ссылки он отрастил большую седую бороду – вероятно, с целью замаскировать себя. Он все еще бодр, сдержан и замечательно хладнокровен; в состоянии выпить графин водки, не поморщившись, и не прочь от ЛОВЕЛАСНИЧЕСТВА; держит себя с достоинством. В последний раз он был захвачен в окрестностях Одессы во время сна, был судим, но по старости лет избегнул телесного наказания. При поимке он предсказал свой новый побег из Сибири и обещал отплатить тому, кто его выдал. Предсказание сбылось, но не знаем, выполнил ли он свое обещание. Пред настоящею поимкою его в Одессе, по его словам, он купил своей дочери кусок земли близ Тирасполя и имел разного товара на сумму до 3.000 рублей. Глубоко развращенная личность, он все-таки и теперь еще обнаруживает несомненно талантливую натуру: при другом направлении из него мог бы выйти замечательный человек. Заметим кстати, что он малоросс, и во что бы то ни стало желает умереть в Одессе. До субботы (9 августа 1869 года. – **О. Г.**) пополудни он содержался при 2-й полицейской части города, а теперь – в тюремном замке».

Покупка земли в подарок дочери вполне вероятна – в молодости наш жиган, как оказалось, некоторое время имел оседлость и вообще стремился основательно размещать капиталы. Знакомься с ретроспективными реестрами владельцев одесской недвижимости я, между прочим, обнаружил следующее: мещани-

ну Василию Чумаку не позднее 1848 года принадлежали небольшой дом и две мельницы по городскую сторону Водяной балки, то есть на территории нынешней Молдаванки.

...В декабре 1869-го его возили для проведения следственных действий в Елисаветград, где, как было сказано выше, подельники снабжали его фальшивыми документами. Следствие снова затянулось, и дело Чумака слушалось в Одесском окружном суде 5 июля 1871 года. Данные о возрасте расходятся: от 83-х до 91-го года. В числе предъявленных ему обвинений на этот раз – убийство некоего одесского мещанина Макара Сокуренко, похоже, как раз выдавшего его полиции осведомителя. Поразительно, что суд ходатайствовал перед российским монархом о смягчении приговора старику – годичное содержание в тюремном замке без кандалов, а затем бессрочное поселение в Сибири. Если учесть, что Чумак уже просидел как-то раз в Одессе три года в ручных и ножных кандалах, смягчение в самом деле существенное. «Высокого роста широкоплечий старик с седой окладистой бородой и совершенно лысый. Несмотря на то, что ему уже 91 год, он кажется довольно бодрым» – таким видели его репортеры в ходе этого судебного разбирательства.

Здесь, к сожалению, мне приходится поставить многоточие. Как и в истории о Соньке Золотой Ручке, финал пока остается за кадром, а домыслы и легенды оставляю в стороне. Надеюсь, понятно, раскопать еще какую-нибудь информацию, но в данный момент не могу сказать ничего определенного о последних днях невероятно живучего и, как бывает в таких случаях, непонятным образом обаятельного злодея. Хочется думать, что его в шестой раз не отправили в Сибирь, и что желание его почтить в Одессе, где он мог видеть дочь, осуществилось.

Чумака помнили в Одессе долго. О нем упоминает и знаменитый бытописатель Александр Михайлович де Рибас. Позднее сюжет о степном разбойнике померк на фоне менее отдаленных хронологически и контрастных героев Бабеля, их ярких прототипов. Правда, Чумака изредка поминают и теперь, как правило, в контексте придумок и баек. Пишут, например, что сообщество экспроприаторов знаменитого Г.И. Котовского формировалось в середине 1900-х на манер шайки «молдавского атамана Васыля Чумака».